

1001 ночь.

Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском

Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском, ночи 698-710

Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском, ночи 711-719

Рассказывают также, о счастливый царь, что был во время халифата Харуна ар-Рашида один человек по имени Ахмед-ад-Данаф и другой – по имени Хасан-Шуман. И были они творцами козней и хитростей и совершали дивные дела, и по эй причине наградил халиф Ахмеда-ад-Данафа почетной одеждой и назначил его начальником правой стороны, и наградил он Хасана-Шумана почетной одеждой и назначил его начальником левой стороны, и положил каждому из них жалованье – всякий месяц тысячу динаров. И находилось у каждого из них под рукою сорок человек. И было предписано Ахмеду-ад-Данафу наблюдение за сушей.

И выехали Ахмед-ад-Данаф с Хасаном-Шуманом и теми, кто был под их властью, на копиях, и эмир Халидвали был с ними, и глашатай кричал: "Согласно приказанию халифа, нет в Багдаде начальника правой стороны, кроме начальника Ахмеда-ад-Данафа, и нет в Багдаде начальника левой стороны, кроме начальника Хасана-Шумана, и слова их должно слушаться, и уважение к ним обязательно!"

А была в городе старуха по имени Далила-Хитрица, и была у нее дочь, по имени Зейнаб-мошенница; и они услышали крик глашатая, и Зейнаб сказала своей матери Далиле: "Посмотри, матушка, этот Ахмед-ад-Данаф пришел из Каира, когда его оттуда прогнали, и играл в Багдаде всякие штуки, пока не приблизился к халифу и не стал начальником правой стороны. А тот шелудивый парень, Хасан-Шуман, сделался начальником левой стороны, и у него накрывают стол по утрам и по вечерам, и положено им жалованье каждому тысяча динаров во всякий месяц. А мы сидим в этом доме без дела, нет нам ни почета, ни уважения, и нет у нас никого, кто бы за нас попросил".

А муж Далилы был прежде начальником в Багдаде, и ему была положена от халифа каждый месяц тысяча динаров; и он умер и оставил двух дочерей: дочь замужнюю, у которой был сын по имени Ахмед-аль-Лакит, и дочь незамужнюю по имени Зейнаб-мошенница. И Далила умела устраивать хитрости, обманы и плутни и ухитрялась выманивать большую змею из ее норы, и Иблис учился у нее хитростям. Ее отец был у халифа башенником, и ему полагалось жалованье – каждый месяц тысяча динаров. Он воспитывал почтовых голубей, которые летают с письмами и посланиями, и всякая птица в минуту нужды была халифу дороже, чем какой-нибудь из его сыновей.

И Зейнаб сказала своей матери: "Иди устрой хитрости и плутни, может быть, из-за этого разнесется о нас слава в Багдаде и будет нам жалованье нашего отца..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейнаб-мошенница сказала своей матери: "Иди устрой нам хитрости и плутни, может быть, распространится о нас из-за этого слава в Багдаде и будет нам жалованье нашего отца.

"Клянусь твоей жизнью, о дочка, – сказала Далила, – я сыграю в Багдаде штуки посильнее штук Ахмеда-ад-Данафа и Хасана-Шумана!"

И она поднялась и, закрыв лицо платком, надела одежду факиров и суфиев, и оделась в платье, спускавшееся ей до пят, и в шерстяной халат и повязалась широким поясом. Потом она взяла кувшин, наполнила его водой по горлышко и, положив на отверстие его три динара, прикрыла отверстие куском пальмового лыка. А на шею она надела четки величиной с вязанку дров, и взяла в руки палку с красными и желтыми тряпками, и вышла, говоря: "Аллах! Аллах!" – и язык произносил славословие, а сердце скакало по ристалищу мерзости.

И она начала высматривать, какую бы сыграть в городе штуку, и ходила из переулка в переулок, пока не пришла к одному переулку, выметенному, политому и вымощенному.

И она увидела сводчатые ворота с мраморным порогом и матрибинца-привратника, который стоял у ворот; и был это дом начальника чаушей [587] халифа, и у хозяина дома были поля и деревни, и он получал большое жалованье. И звали его: эмир Хасан Шарр-ат-Тарик [588], и назывался он так лишь потому, что удар опережал у него слово.

И был он женат на красивой женщине и любил ее, и в ночь, когда он вошел к ней, она взяла с него клятву, что он ни на ком, кроме нее, не женится и не будет ночевать вне дома. И в один из дней ее муж пошел в диван и увидел с каждым из эмиров сына идя двоих сыновей. А он как-то ходил в баню и посмотрел на свое лицо в зеркало и увидел, что белизна волос его бороды покрыла черноту, и сказал себе: "Разве тот, кто взял твоего отца, не наделит тебя сыном?"

И потом он вошел к жене, сердитый. И она сказала ему: "Добрый вечер!" И эмир воскликнул: "Уходи от меня! С того дня, как я увидел тебя, я не видел добра". – "А почему?" – спросила его жена. И он сказал: "В ночь, когда я вошел к тебе, ты взяла с меня клятву, что я ни на ком, кроме тебя, не женюсь, а сегодня я видел, что у каждого эмира есть по сыну, а у некоторых – двое; и я вспомнил про смерть и про то, что мне не досталось ни сына, ни дочери, а у кого нет сына, о том не вспоминают. Вот причина моего гнева. Ты бесплодная и не несешь от меня!" – "Имя Аллаха над тобой! – воскликнула его жена. – Я пробила все ступки, толча шерсть и зелья, и нет за мной вины. Задержка от тебя: ты плосконосый мул, и твой белок жидкий – он не делает беременной и не приносит детей". – "Когда вернусь из поездки, женюсь на другой", – сказал эмир. И жена его отвечала: "Моя доля у Аллаха!" И эмир вышел от нее, и оба раскаялись, что поносили друг друга.

И когда жена эмира выглядывала из окна, подобная невесте из сокровищницы – столько было на ней украшений, Далила вдруг остановилась и увидела эту женщину, и заметила на ней украшения и дорогие одежды, и сказала себе: "Нет лучше ловкости, о Далила, чем забрать эту женщину из дома ее мужа и оголить ее от украшений и одежды и взять все это".

И она остановилась и стала поминать Аллаха под окном дворца, говоря: "Аллах! Аллах!" И жена эмира увидала старуху, одетую в белые одежды, похожую на купол из света и имевшую облик суфиев, которая говорила: "Явитесь, о друзья Аллаха!" И женщины с той улицы высунулись из окон и стали говорить: "Вот явная поддержка Аллаха! От лица этой старицы исходит свет!" И Хатун, жена эмира Хасана, заплакала и сказала своей невольнице: "Спустись, поцелуй руку шейху Абу-Али, привратнику, и скажи ему: "Дай ей войти, этой старице, чтобы мы получили через нее благодать".

И невольница спустилась и поцеловала привратнику руку и сказала: "Моя госпожа говорит тебе: "Дай этой старице войти к моей госпоже, чтобы она получила через нее благодать..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница спустилась к привратнику и сказала ему: "Моя госпожа говорит тебе: "Дай этой старице войти к моей госпоже, чтобы она получила через нее благодать – быть, ее благодать покроет нас всех".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И привратник пошел к Далиле я начал было целовать ей руку, но она не дала ему и сказала: "Отдались от меня, чтобы не испортить мне омовения! Ты тоже суфий – влекомый к Аллаху, наблюдаемый друзьями Аллаха. Аллах освободил тебя от этой службы, о Абу–Али".

А привратнику приходилось с эмира его жалование за три месяца, и он был стеснен и не знал, как вырвать деньги у этого эмира. "О матушка, напои меня из твоего кувшина, чтобы я получил через тебя благодать", сказал он Далиле. И та сняла кувшин с плеча и помахала им в воздухе и тряхнула рукой так, что лыко слетело с отверстия кувшина, и три динара упали на землю, и привратник увидел их и подобрал. "Вот нечто от Аллаха! – воскликнул он. – Эта старица – одна из святых с сокровищами! Она разведала про меня и узнала, что я нуждаюсь в деньгах на расходы, и сумела раздобыть мне три динара из воздуха". И он взял динары в руку и сказал Далиле: "Возьми, тетушка, три динара, которые упали на землю из твоего кувшина". И старуха воскликнула: "Отдали их от меня, я из тех людей, которые никогда не занимаются делами мира! Возьми их и истрать на себя, взамен того, что приходится тебе с эмира". – "Вот явная поддержка Аллаха, и это относится к откровениям!" – воскликнул привратник. И невольница поцеловала старухе руку и повела ее наверх к своей госпоже.

И Далила вошла и увидела, что госпожа невольницы подобна кладу, с которого сняты талисманы; а Хатун приветствовала ее и поцеловала ей руку. "О дочь моя, – сказала старуха, – я пришла к тебе только с советом". И Хатун подала ей еду, и Далила сказала: "О дочка, я ем только райские кушанья и постоянно пощусь. Я нарушаю пост лишь пять дней в году. Но я вижу, о дочка, что ты огорчена, и хочу, чтобы ты мне сказала о причине твоего огорчения". – "О матушка, – ответила Хатун, – в ночь, когда муж вошел ко мне, я взяла с него клятву, что он не женится на другой; и он увидел детей, и ему захотелось их иметь, и он сказал: "Ты бесплодная!" А я сказала: "Ты мул, от которого не носят!" И он вышел сердитый и сказал: "Когда вернусь из поездки, женюсь на другой!" И я боюсь, о матушка, что он со мной разведется и возьмет другую. У него есть деревни и поля и большое жалование, и если придут к нему дети от другой, они завладеют вместо меня деньгами и деревнями".

"О дочка, – сказала Далила, – разве ты ничего не знаешь о моем шейхе Абу–ль–Хамалате? [589] За всякого, кто в долгах и кто посетит его, Аллах отдает его долги, а если посетит его бесплодная, она станет беременной".

"О матушка, – сказала Хатун, – с того дня, как муж вошел ко мне, я не выходила ни с утешением, ни с поздравлением". – "О дочка, – сказала старуха, – я возьму тебя с собой и отведу к Абу–ль–Хамалату. Переложу на него твою ношу и дай ему обет, может быть твой муж, вернувшись из путешествия, познает тебя и ты понесешь от него дочку или сына. И тот, кого ты родишь, будь то мальчик или девочка, станет дервишем шейха Абу–ль–Хамалата".

И женщина поднялась и надела все свои украшения и оделась в самое роскошное из бывших у нее платьев и сказала невольнице: "Присматривай за домом!" И невольница ответила: "Слушаю и повинуюсь, о госпожа!"

И потом Хатун спустилась вниз, и ее встретил шейх Абу–Али, привратник, и спросил ее: "Куда, о госпожа?" И Хатун ответила ему: "Я иду посетить шейха Абу–ль–Хамалата". – "Пост на год для меня обязателен! – воскликнул привратник. – Поистине, эта старица из святых, и она полна святости. Она, о госпожа, одна из святых с сокровищем, так как она мне дала три динара червонного золота и все обо мне открыла, без того чтобы я спросил, и узнала, что я нуждаюсь!"

И старуха вышла, и женщина, жена эмира Хасана Шарр–ат–Тарика, вместе с нею; и Далила–Хитрица говорила женщине: "Если захочет Аллах, о дочка, когда ты посетишь Абу–ль–Хамалата, твое сердце будет залечено, и ты понесешь, по изволению великого Аллаха, и полюбит тебя твой муж, эмир Хасан, по благодати этого шейха, и не заставит тебя после этого слушать слова, обидные для твоего сердца". – "Я посещу его, о матушка", – сказала женщина; а старуха подумала: "Где я ее оголю и возьму ее одежду, когда люди ходят туда и сюда?"

"О дочка, – сказала она женщине, – когда идешь, иди сзади меня на таком расстоянии, чтобы меня видеть, потому что твоя матушка несет на себе многие ноши, и всякий, у кого есть ноша, бросает ее на меня, и все, у кого есть приношение, дают его мне и целуют мне руку".

И женщина пошла сзади Далилы, далеко от нее, а старуха шла впереди, пока они не дошли до рынка купцов, и браслеты звучали, и монеты бренчали.

И Далила прошла мимо лавки сына одного купца по имени Сиди–Хасан (а он был красивый, без растительности на щеках), и он увидел проходившую женщину и стал искоса на нее поглядывать; и когда старуха заметила это, она подмигнула женщине и сказала ей: "Посиди возле этой лавки, пока я не приду к тебе!"

И женщина исполнила ее приказание и села перед лавкой сына купца, и сын купца посмотрел на нее взглядом, оставившим в нем тысячу вздохов; а старуха подошла к нему, приветствовала его и спросила: "Тебя ли зовут Сиди–Хасан, сын купца Мухсина?" И юноша ответил: "Да; кто осведомил тебя о моем имени?" – "Указали мне на тебя люди благие, – ответила старуха. Знай, что эта девушка – моя дочь. Ее отец был купцом, и он умер и оставил ей большие деньги, и она достигла зрелости; а разумные сказали: "Сватай свою дочь, но не сватай за своего сына". И она в жизни не выходила из дому раньше этого дня. И пришло мне указание, и раздался в сердце моем призыв, чтобы я выдала ее за тебя замуж, а если ты бедный, я дам тебе капитал и открою тебе вместо этой лавки две".

И сын купца подумал: "Я просил у Аллаха невесту, и он послал мне три вещи: кошелек, женщину и одежду".

"О матушка, – сказал он, – прекрасно то, что ты мне посоветовала! Моя мать уже давно говорит мне: "Я хочу тебя женить", а я соглашаюсь и говорю: "Я женюсь не иначе, как увидев глазами!" [590] – "Поднимайся на ноги и следуй за мной, я покажу ее тебе голую", – сказала Далила. И юноша пошел с ней и взял с собою тысячу динаров, говоря в душе: "Может быть, нам понадобится что–нибудь купить..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот первая ночь

Когда же настала семьсот первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала Хасану, сыну купца Мухсина: "Поднимайся, следуй за мной, я покажу ее тебе голую". И юноша поднялся и пошел с ней и взял с собой тысячу динаров, говоря в душе: "Может быть, нам что–нибудь понадобится, и это мы купим и выложим установленную плату за заключение условия".

"Иди от нее вдаль, на таком расстоянии, чтобы видеть ее глазами", сказала ему старуха; а сама она думала: "Куда ты пойдешь с сыном купца, чтобы оголить и его и женщину?" И она пошла (а женщина следовала за ней, а сын купца следовал за женщиной) и подошла к красильне, где был один мастер по имени Хаддж Мухаммед, и был он подобен ножу продавца аронника – срезал и мужское и женское и любил есть фиги и гранаты.

И он услышал звон ножных браслетов и поднял глаза и увидел юношу и девушку, и вдруг старуха села подле него и приветствовала его и спросила: "Ты Хаддж Мухаммед, красильщик?" – "Да, я Хаддж Мухаммед, чего ты потребуешь?" – ответил красильщик. И Далила сказала: "Указали мне на тебя люди благие. Посмотри на эту красивую девушку – это моя дочь, а этот безбородый красивый юноша – мой сын, и я воспитала их и истратила на них большие деньги. Знай" что у меня есть большой шаткий дом. Я подперла его деревянными балками, но строитель сказал мне: "Живи в другом месте. Возможно, что дом на тебя упадет, если не перестроишь его; а потом возвращаясь в него и живи в нем". И я вышла поискать себе какого–нибудь жилья, и добрые люди указали мне на тебя, и я хочу поселить у тебя мою дочь и моего сына". – "Пришло к тебе масло на лепешке!" – подумал красильщик и сказал старухе: "Правильно, у меня есть дом, и гостиная, и комната, но я не могу обойтись без какого–нибудь из этих помещений из–за гостей и феллахов с индиго". – "О сынок, – сказала Далила, – самое большее на месяц или два месяца, пока мы перестроим дом. Мы люди иноземные. Сделай помещение для гостей общим для нас с тобой. Клянусь твоей жизнью, о сынок, если ты потребуешь, чтобы твои гости были нашими гостями, добро им пожаловать, мы и есть будем с ними и спать будем с ними".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И красильщик отдал Далиле ключи: один большой, другой маленький, и еще ключ кривой, и сказал: "Большой ключ – от дома, кривой – от гостиной и маленький – от комнаты". И Далила взяла ключи, и женщина пошла за нею следом, а сзади нее шел сын купца. И Далила пришла к переулку и увидела ворота и открыла их и вошла, и женщина тоже вошла; и Далила сказала ей: "О дочка, это дом шейха Абу-ль-Хамалата (и она указала ей на гостиную). Поднимись в комнату и развяжи изар, а я приду к тебе".

И женщина поднялась в комнату и села; и тут пришел сын купца, и старуха встретила его и сказала: "Посиди в гостиной, а я приведу тебе мою дочь, чтобы ты на нее посмотрел". И юноша вошел и сел в гостиной, а старуха вошла к женщине, и та сказала ей: "Я хочу посетить Абуль-Хамалата, пока не пришли люди". – "О дочка, мы боимся за тебя", – сказала старуха. "Отчего?" – спросила женщина. И старуха сказала: "Тут мой сын, он дурачок – не отличает лета от зимы и постоянно голый. Он подручный шейха, и если входит к нему девушка, как ты, чтобы посетить шейха, он хватает ее серьги, и разрывает ей ухо, и рвет ее шелковую одежду. Сними же твои драгоценности и платье, а я поберегу это для тебя, пока ты не посетишь шейха".

И женщина сняла украшения и одежду и отдала ее старухе; а та сказала: "Я положу их под покровом шейха, и достанется тебе благодать".

И старуха взяла вещи и ушла, оставив женщину в рубаше и штанах, и спрятала вещи в одном месте на лестнице, а затем она вошла к сыну купца и нашла его ожидающим женщину. "Где твоя дочь, чтобы я посмотрел на нее?" – спросил он старуху. И та стала бить себя в грудь. "Что с тобой?" – спросил юноша. И старуха воскликнула: "Пусть не живет злой сосед, и пусть не будет соседей, которые завидуют! Они видели, как ты входил со мной, и спросили про тебя, и я сказала: "Я высватала моей дочери этого жениха". И тогда они мне позавидовали и сказали моей дочери: "Разве твоя мать устала содержать тебя, что она выдает тебя за прокаженного?" И я дала ей клятву, что я позволю ей тебя увидеть не иначе, как голым". "Прибегаю к Аллаху от завистников!" – воскликнул юноша и обнажил руки. И Далила увидела, что они точно серебро, и сказала: "Не бойся ничего! Я дам тебе увидеть ее голою, как и она увидит тебя голым". – Пусть приходит и смотрит на меня", – сказал юноша и снял с себя соболью шубу, и кушак, и нож, и всю одежду, так что остался в рубаше и подштанниках, а тысячу динаров он положил в вещи. И старуха сказала ему: "Поддай свои вещи, я тебе их поберегу".

И она взяла их и положила их на вещи женщины и понесла все это и вышла в двери и заперла обоих и ушла по своему пути..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот вторая ночь

Когда же настала семьсот вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха, взяв вещи сына купца и вещи женщины, заперла обоих за дверями и ушла своей дорогой". Она оставила то, что с ней было, у одного москательщика и пошла к красильщику и увидела, что тот сидит и ждет ее. "Если захотел Аллах, стало так, что дом вам понравился?" – спросил он. И Далила ответила: "В нем – благодать, и я иду за носильщиками, которые принесут наши вещи и ковры. Мои дети захотели хлеба с мясом; возьми же этот динар, приготовь им хлеба с мясом и пойди пообедай с ними". – "А кто будет стеречь красильню, в которой чужие вещи?" спросил красильщик. "Твой малый", – отвечала Далила. И красильщик сказал: "Пусть так!" И, взяв блюдо, он пошел готовить обед.

Вот что было с красильщиком, и речь о нем еще впереди. Что же касается старухи, то она взяла от москательщика вещи женщины и сына купца, вошла в красильню и сказала малому красильщика: "Догоняй твоего хозяина, а я не двинусь, пока вы оба не придете". – "Слушаю и повинуюсь!" – ответил малый. А Далила взяла все, что было в красильне.

И вдруг подошел один ослятник, гашишеед, который уже неделю был без работы, и старуха сказала ему: "Поди сюда, ослятник! – И когда он подошел, спросила: – знаешь ли ты моего сына, красильщика?" – "Да, я его знаю", – ответил ослятник. И старуха сказала: "Этот бедняга разорился, и на нем остались долги, и всякий раз, как его сажают в тюрьму, я его освобождаю. Мы желаем подтвердить его бедность, и я иду отдать вещи их владельцам и хочу, чтобы ты дал мне осла. Я отвезу на нем людям их вещи, а ты возьми этот динар за наем осла, а после того как я уйду, ты возьмешь ручную пилу, вычерпаешь все, что есть в горшках, и разобьешь горшки и кувшины, чтобы, когда придет следователь от кади, в красильне ничего не нашлось". – "Милость хозяина лежит на мне, и я сделаю для него что-нибудь ради Аллаха", – ответил ослятник. И старуха взяла вещи и взвалила их на осла, и покрыл ее покрывающий, и она отправилась домой.

И когда она пришла к своей дочери Зейнаб, та сказала ей: "Мое сердце с тобой, матушка! Какие ты устроила плутни?" И старуха отвечала: "Я устроила четыре плутни с четырьмя человеками: сыном купца, женой чауша, красильщиком и ослятником, и привезла тебе все их вещи на осле ослятника". – "О матушка, – сказала Зейнаб, – ты не сможешь больше пройти по городу из-за чауша, вещи жены которого ты забрала, и сына купца, которого ты оголила, и красильщика, из чьей красильни ты взяла вещи, и ослятника, владельца осла". – "Ах, доченька, – ответила Далила, – я беспокоюсь только из-за ослятника: он меня узнает".

Что же касается мастера-красильщика, то он приготовил хлеб с мясом, и поставил его на голову своего слуги, и прошел мимо красильни и увидел ослятника, который бил горшки, и не осталось в красильне ни тканей, ни вещей, и увидел он, что красильня разрушена. "Подними руку, ослятник", сказал он ему. И ослятник поднял руку и воскликнул: "Слава Аллаху за благополучие, хозяин! Мое сердце болит о тебе". – "Почему и что со мной случилось?" – спросил красильщик. И ослятник сказал: "Ты разорился, и тебе написали свидетельство о разорении". – "Кто тебе сказал?" – спросил красильщик. И ослятник молвил: "Твоя мать мне сказала, и она велела мне разбить горшки и вычерпать кувшины, боясь, что когда придет следователь, он, может быть, что-нибудь найдет в красильне". – "Аллах да обманет далекого! [591] – воскликнул красильщик. – Моя мать давно умерла!" И он принялся бить себя рукою в грудь и воскликнул: "Пропало мое имущество и имущество людей!" И тогда ослятник заплакал и воскликнул: "Пропал мой осел!" И потом он сказал красильщику: "Верни мне твоего осла от твоей матери, красильщик!" И красильщик вцепился в ослятника и стал бить его кулаками, говоря: "Приведи мне старуху!" А ослятник говорил: "Приведи мне осла!" И люди собрались вокруг них..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот третья ночь

Когда же настала семьсот третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что красильщик вцепился в ослятника, а ослятник вцепился в красильщика, и они начали драться, и каждый из них обвинял другого. И вокруг них собрались люди, и один из них спросил: "Что у вас за история, о мастер Мухаммед?" И ослятник воскликнул: "Я расскажу вам эту историю!" И он рассказал о том, что с ним случилось, и сказал: "Я думал, что я заслужил благодарность мастера, но, когда он меня увидел, он стал бить себя в грудь и сказал: "Моя мать умерла!" И я тоже требую от него моего осла, так как он устроил со мной эту штуку, чтобы погубить моего осла".

"О мастер Мухаммед, – сказали люди, – ты, значит, знаешь эту старуху, раз ты доверил ей красильню и то, что там было?" – "Я ее не знаю, – отвечал красильщик, – и она только сегодня у меня поселилась с сыном и дочерью". – "По совести, – сказал кто-то, – красильщик отвечает за осла". – "В чем основание этого?" – спросили его. И он сказал: "В том, что ослятник был спокоен и отдал своего осла старухе, только когда увидел, что красильщик доверил свою красильню и то, что в ней было". – "О мастер, сказал тогда кто-то, – если ты поместил ее у себя, ты обязан привести ослятнику его осла".

И потом они пошли, направляясь к дому красильщика, и речь о них еще будет. Что же касается сына купца, то он ждал прихода старухи, – но та не приводила своей дочери; а женщина ждала, что старуха принесет ей позволение от своего сына, увлеченного к Аллаху,

подручного

шейха Абу-ль-Хамалата, – но старуха не возвращалась к ней. И Хатун поднялась, чтобы посетить шейха. И вдруг сын купца сказал ей, когда она входила: "Поди сюда! Где твоя мать, которая привела меня, чтобы я на тебе женился?" – "Моя мать умерла, – отвечала женщина. – А ты сын той старухи, увлеченный Аллахом, подручный шейха Абу-ль-Хамалата?" – "Это не моя мать, – сказал сын купца, – эта старуха –

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

обманщица. Она обманула меня и взяла мою одежду и тысячу динаров". – "Меня она тоже обманула и привела сюда, чтобы я посетила Абуль–Хамалата, и оголила меня", – сказала женщина. И сын купца стал ей говорить: "Я узнаю, где моя одежда и тысяча динаров, только от тебя!" А женщина говорила: "Я узнаю, где мои вещи и драгоценности, только от тебя! Приведи ко мне твою мать!"

И вдруг вошел к ним красильщик и увидел, что сын купца голый и женщина тоже голая, и сказал: "Говорите, где ваша мать!" И женщина рассказала обо всем, что ей выпало, и сын купца рассказал обо всем, что с ним случилось; и красильщик воскликнул: "Пропало мое имущество и имущество людей!" А ослятник воскликнул: "Пропал мой осел!" – "Эта старуха – обманщица, – сказал красильщик. – Выходите, чтобы я запер дверь". – "Для тебя будет позором, что мы вошли к тебе в дом одетые, а выходим голые", сказал сын купца. И красильщик одел его и одел женщину и отправил ее домой, и речь о ней еще будет после прибытия ее мужа из путешествия.

Что же касается красильщика, то он запер красильню и сказал сыну купца: "Пойдем с нами искать старуху, чтобы отдать ее вали". И сын купца пошел с ними, и ослятник был с ними тоже. И они вошли в дом вали и пожаловались ему, и вали спросил: "О люди, в чем ваше дело?" И они рассказали ему, что случилось. И вали сказал: "А сколько в городе старух! Идите ищите ее и схватите, а я заставлю ее сознаться". И они стали ходить и искать Далилу, и речь о них еще будет.

Что же касается старухи Далилы–Хитрицы, то она сказала своей дочери Зейнаб: "О дочка, я хочу устроить штуку". – "О матушка, я боюсь за тебя", – сказала Зейнаб. И старуха молвила: "Я точно шелуха бобов: не даюсь ни воде, ни огню!" И старуха поднялась и надела платье служанки из служанок вельмож и пошла, высматривая, какую бы устроить плутню. Она прошла мимо переулка, устланного тканями, где висели светильники, и услышала там певич и удары в бубны, и увидала невольницу, на плече которой сидел мальчик в рубашке, вышитой серебром, и на нем была красивая одежда, а на голове у него был тарбуга, окаймленный жемчугом; на шее у мальчика висело золотое ожерелье с драгоценными камнями, и на нем был надет бархатный плащ.

А этот дом принадлежал начальнику купцов в Багдаде, и ребенок был его сыном; и была у него еще дочь, невинная, за которую посватались, и они в этот день справляли свадьбу. И у ее матери собралось много женщин и певич, и всякий раз, как мать мальчика входила или выходила, ребенок цеплялся за нее. И она кликнула невольницу и сказала ей: "Возьми твоего господина, поиграй с ним, пока собрание не разойдется".

А старуха Далила вошла и увидела мальчика на плече невольницы и спросила ее: "Что у твоей госпожи сегодня за торжество?" И невольница ответила: "Она справляет свадьбу своей дочери, и у нее певичы". И тогда старуха сказала в душе: "О Далила, нет лучше плутни, как взять этого ребенка у невольницы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот четвертая ночь

Когда же настала семьсот четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала в душе: "О Далила, нет лучше плутни, как взять этого ребенка у невольницы! И затем воскликнула: "О злосчастный позор!" – и вынула из–за пазухи маленькую медную бляшку, похожую на динар.

А невольница была дурочка, и старуха сказала ей: "Возьми этот динар, пойди к твоей госпоже и скажи ей: "Умм–аль–Хайр за тебя радуется, и твои милости ее обязывают; и в день собрания она придет со своими дочерьми, и они наградят горничных подарками". – "О матушка, – сказала невольница, а как же этот мой господин? Всякий раз, как он видит свою мать, он цепляется за нее". – "Поддай его мне, он побудет со мной, пока ты сходишь и вернешься", – сказала старуха. И невольница взяла медную бляшку и вошла в дом, а старуха взяла ребенка и, выйдя в переулок, сняла с него украшения и одежды, которые на нем были, и сказала в душе: "О Далила, ловкость лишь в том, чтобы, так же как ты сыграла штуку с невольницей и взяла у нее ребенка, устроить еще плутню и оставить мальчика в залог за какую–нибудь вещь ценой в тысячу динаров!"

И она пошла на рынок торговцев драгоценностями и увидела еврея–ювелира, перед которым была корзина, полная драгоценностей, и сказала себе: "Ловкость лишь в том, чтобы схитрить с этим евреем, взять у него драгоценностей на тысячу динаров и оставить этого ребенка за них в залог".

И еврей посмотрел и увидел ребенка со старухой и узнал, что это сын начальника купцов. А у этого еврея было много денег, и он завидовал своему соседу, если тот продавал что–нибудь, а он не продавал.

"Чего ты потребуешь, о госпожа?" – спросил он. И Далила сказала: "Ты, мастер Азра, еврей?" (Она раньше спросила, как его зовут.) "Да", – ответил еврей. И Далила сказала: "Сестру этого ребенка, дочь начальника купцов, сосватали, сегодня справляют ее свадьбу, и ей нужны драгоценности. Дай же нам две пары золотых ножных браслетов, пару золотых запястий, жемчужные серьги, кушак, кинжал и перстень".

И она взяла у него вещей на тысячу динаров и сказала: "Я возьму эти драгоценности и посоветуюсь; что им понравится, они заберут, и я принесу тебе за это деньги, а ты поддержи этого мальчика у себя". – "Дело будет так, как ты хочешь", – ответил ювелир.

И Далила взяла драгоценности и пошла домой. И ее дочь спросила: "Какие плутни ты устроила?" И старуха отвечала: "Я сыграла одну штуку: взяла сына начальника купцов и раздела его, а потом пошла и заложила его за вещи в тысячу динаров и забрала их у одного еврея". – "Ты не сможешь больше ходить по городу", – сказала ей ее дочь.

Что же касается невольницы, то она вошла к своей госпоже и сказала ей: "О госпожа, Умм–аль–Хайр желает тебе мира и радуется за тебя, а в день собрания она придет со своими дочерьми, и они принесут подарок". "А где твой господин?" – спросила ее госпожа; и невольница ответила: "Я оставила его у нее, боясь, что он за тебя уцепится, и она дала мне подарок для певич". И госпожа невольницы сказала начальнице певич: "Возьми твой подарок". И та взяла его и увидела, что это медная бляшка.

"Спустись, о распутница, посмотри, где твой господин", – сказала хозяйка невольницы. И девушка спустилась и не нашла ни ребенка, ни старухи, – и она закричала и упала лицом вниз, и сменилась радость их печалью.

И вдруг пришел начальник купцов. И жена его рассказала ему обо всем, что случилось, и он вышел искать своего сына, и каждый из купцов начал искать на какойнибудь дороге.

И начальник купцов искал до тех пор, пока не увидел своего сына голым возле лавки еврея, и тогда он спросил его: "Это мой сын?" – "Да", – отвечал еврей. И отец мальчика взял его и от сильной радости не стал спрашивать про его одежду.

Что же касается еврея, то, увидев, что купец взял своего сына, он уцепился за него и воскликнул: "Аллах да поможет против тебя халифу!" "Что с тобой, о еврей?" – спросил купец; и еврей сказал: "Старуха взяла у меня драгоценностей для твоей дочери на тысячу динаров и заложила у меня этого ребенка. Я только потому ей и дал их, что она оставила у меня этого ребенка в залог за то, что взяла; и я бы не доверился ей, если бы не знал, что этот ребенок – твой сын". – "Моей дочери не нужно драгоценностей. Принеси мне одежду ребенка", – сказал купец. И еврей закричал: "Ко мне, о мусульмане!" И вдруг подошли ослятник, красильщик и сын купца, которые ходили и искали старуху.

И они спросили купца и еврея о причине их перебранки, и те рассказали им, что случилось, и тогда они сказали: "Эта старуха – обманщица, и она обманула нас раньше, чем вас".

И они рассказали обо всем, что случилось у них со старухой, и начальник купцов сказал: "Раз я нашел своего сына, то одежда – выкуп за него, а если эта старуха мне попадется, я потребую одежду от нее".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И начальник купцов отправился со своим сыном к его матери, и та обрадовалась, что ребенок цел; а что до еврея, то он спросил тех троих: "А вы куда идете?" И они ответили: "Мы хотим искать старуху". – "Возьмите меня с собой, – сказал еврей, и потом он спросил: – Есть ли среди вас кто-нибудь, кто ее узнает?" – "Я ее узнаю!" – воскликнул ослятник. И еврей сказал: "Если мы пойдем вместе, нам невозможно будет ее найти, и она от нас убежит. Пусть каждый из нас пойдет по какой-нибудь дороге, а встреча наша будет у лавки хаджи Масуда, цирюльника-магрибинца".

И каждый из них пошел по одной из дорог, а в это время Далила вышла, чтобы устроить новую плутню.

И ее увидел ослятник и, узнав ее, уцепился за нее и крикнул: "Горе тебе! Ты давно занимаешься таким делом?" – "Что с тобой?" – спросила старуха. И ослятник воскликнул: "Мой осел! Поддай его!" – "Скрывай то, что скрыл Аллах, о сын мой, – сказала старуха. – Ты требуешь своего осла или вещи людей?" – "Я требую только моего осла", – ответил ослятник. И старуха сказала: "Я увидела, что ты бедный, и поставила твоего осла у цирюльника-магрибинца. Стань поодаль, а я дойду до него и скажу ему ласково, чтобы он его тебе отдал". И она подошла к магрибинуцу и поцеловала ему руку и заплакала. И цирюльник спросил ее: "Что с тобой?" И она сказала: "О дитя мое, посмотри на моего сына, который там стоит. Он был болен и простудился, и воздух испортил ему разум. А он раньше покупал ослов, и теперь он говорит, когда встает: "Мой осел", – и когда сидит, говорит: "Мой осел", – и когда ходит, говорит: "Мой осел". И один из врачей сказал мне, что он помрачился в уме и что его вылечишь, только вырвав ему два зуба и дважды прижегши ему виски. Возьми же этот динар, позови его и скажи ему: "Твой осел у меня". – "Поститься год для меня обязательно! – воскликнул цирюльник. – Я, право, отдам ему его осла прямо в руки".

А у него было два мастера, и он сказал одному из них: "Пойди накали два гвоздя". И потом он позвал ослятника, а старуха ушла своей дорогой.

И когда ослятник подошел к нему, цирюльник сказал: "Твой осел у меня, о бедняга! Пойди сюда, возьми его: клянусь жизнью, я отдам его тебе прямо в руки". И затем он взял ослятника, и тот вошел с ним в темную комнату, и вдруг магрибинец ударил его кулаком, и он упал, и его потащили и связали ему руки и ноги, и магрибинец вырвал ему два зуба и два раза прижег ему виски, а потом оставил его.

И ослятник поднялся и спросил его: "О магрибинец, почему ты сделал со мной такое дело?" И цирюльник ответил: "Потому, что твоя мать рассказала мне, что ты помрачился в уме, так как простудился, когда был болен, и что, когда ты встаешь, ты говоришь: "Мой осел", и когда сидишь, говоришь: "Мой осел". Вот он, твой осел, у тебя в руках!" – "Тебе достанется от Аллаха за то, что ты вырвал мне клыки!" – воскликнул ослятник. И магрибинец сказал: "Твоя мать мне так сказала", – и рассказал ослятнику обо всем, что она ему говорила. "Аллах да сделает ее жизнь тяжелой!" – воскликнул ослятник. И потом они с магрибинцем ушли, препираясь, и магрибинец оставил свою лавку, а вернувшись в лавку, магрибинец не нашел в ней ничего: когда он ушел с ослятником, старуха взяла все, что было у него в лавке, и пошла к своей дочери и рассказала ей обо всем, что ей выпало и что она сделала.

Что же касается цирюльника, то, увидев, что его лавка пуста, он вцепился в ослятника и сказал ему: "Приведи мне твою мать!" Ослятник воскликнул: "Это не моя мать, это обманщица, которая обманула много людей и взяла моего осла!"

И вдруг подошел красильщик, еврей и сын купца, и они увидели, что магрибинец вцепился в ослятника, а ослятнику прижгли виски, и спросили его: "Что с тобой случилось, ослятник?" И ослятник рассказал им обо всем, что с ним произошло, и магрибинец тоже рассказал свою историю, и они воскликнули: "Эта старуха – обманщица, которая обманула нас!" – и рассказали обо всем ослятнику и цирюльнику, что случилось.

И магрибинец запер свою лавку и прошел с ними к дому вали, и они сказали вали: "Мы узнаем о наших обстоятельствах и о нашем имуществе только от тебя!" – "А сколько в городе старух! – сказал вали. – Есть ли среди вас кто-нибудь, кто ее узнает?" – "Я ее узнаю, – сказал ослятник, – но только дай нам десять твоих приближенных". И ослятник вышел с приближенными вали, а остальные шли позади них. И он стал кружить со всеми ими по городу, и вдруг подошла старуха Далила, и ослятник с приближенными вали схватил ее, и они пошли с ней к вали и остановились под окнами дворца, ожидая, пока вали выйдет.

И потом приближенные вали заснули, так как подолгу не спали у вали, и старуха тоже представилась спящей, и ослятник с товарищем тоже заснули; и тогда Далила ускользнула от них и вошла в гарем и, поцеловав руку у госпожи гарема, спросила ее: "Где вали?" – "Спит. Что ты хочешь?" спросила госпожа гарема. И Далила сказала: "Мой муж продает рабов, и он дал мне пятерых невольников, чтобы я их продала, а сам уехал. И вали встретил меня и приторговал их у меня за тысячу динаров и еще двести динаров мне и сказал: "Приведи их к дому!" И вот я их привела..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятая ночь

Когда же настала семьсот пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха вошла в гарем вали и сказала его жене: "Вали торговал у меня невольников за тысячу динаров и двести динаров мне в придачу и сказал: "Приведи их к дому!" И вот я их привела".

А у вали была тысяча динаров, и он сказал своей жене: "Прибереги их, мы купим на них невольников". И, услышав от старухи такие слова, она поверила, что ее муж так сделал, и спросила: "Где невольники?" И старуха ответила: "О госпожа, они спят под окном дворца, в котором ты находишься!" И госпожа выглянула из окна и увидела магрибинца, одетого в одежду невольников, и сына купца в облике невольника, и красильщика с ослятником и евреем, имевших облик бритых невольников, и сказала: "Каждый из этих невольников лучше, чем тысяча динаров".

И она открыла сундук и дала старухе тысячу динаров и сказала: "Иди, а когда вали встанет после сна, мы возьмем у него для тебя двести динаров". – "О госпожа, – сказала старуха, – сто динаров из них будут для тебя под кувшином с питьем, которое ты пила, и другую сотню сбереги мне у себя, пока я не приду. О госпожа, выведи меня через потайную дверь", сказала она потом. И жена вали вывела старуху через дверь, и скрыл ее скрывающий, и она пошла к своей дочери.

"О матушка, что ты еще сделала?" – спросила ее Зейнаб. И она ответила: "О дочка, я сыграла штуку и взяла у жены вали эту тысячу динаров и продала ей тех пятерых: ослятника, еврея, красильщика, цирюльника и сына купца, и сделала их невольниками. Но только, о дочка, никто для меня не вреднее, чем ослятник: он меня узнает". – "О матушка, – сказала ей Зейнаб, – посиди дома. Довольно того, что ты сделала! Не всякий раз остается цел кувшин!"

А что касается вали, то, когда он встал после сна, его жена сказала ему: "Я порадовалась за тебя пяти невольникам, которых ты купил у старухи". – "Каким невольникам?" – спросил вали. И его жена воскликнула: "Зачем ты от меня скрываешь? Если захочет Аллах, они станут, как и ты, обладателями высоких должностей". – "Клянусь жизнью моей головы, я не покупал невольников! Кто это сказал?" – воскликнул вали. И жена его молвила: "Старуха посредница, у которой ты торговал их и обещал дать за них тысячу динаров и еще двести ей". – "А ты отдала ей деньги?" – спросил вали. И жена его ответила: "Да, я видела невольников собственными глазами, и на каждом из них одежда, которая стоит этой тысячи динаров. И я послала к ним начальников и поручила их им".

И вали спустился вниз и увидел еврея, ослятника, магрибинца, красильщика и сына купца и спросил: "О начальники, где те пять невольников, которых мы купили у старухи за тысячу динаров?" – "Здесь нет невольников, – ответили начальники, – и мы видели только этих пятерых, которые взяли старуху и схватили ее. Мы все заснули, а старуха ускользнула и вошла в гарем" и потом невольница пришла и спросила: "Те пятеро, которых привела старуха, с вами?" И мы сказали: "Да". И вали воскликнул: "Клянусь Аллахом, это самая большая плутня!" А те пятеро говорили: "Мы узнаем о наших вещах только от тебя!" – "Старуха, ваша спутница, продала вас мне за тысячу динаров", – сказал вали. И пятеро воскликнули: "Это не дозволено Аллахом! Мы – свободные, не продажные, и мы пойдем с тобой к халифу". – "Никто не показал ей дорогу к моему дому, кроме вас, – сказал вали. – Но если так, я вас продам на корабли, каждого за двести динаров".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А пока это все происходило, эмир Хасан Шарр–атТарик вдруг вернулся из поездки и увидел, что его жена раздета. И она рассказала ему, что случилось, и эмир воскликнул: "Нет у меня ответчика, кроме вали!" И он пришел к вали и сказал: "Как ты позволяешь старухам ходить по городу и обманывать людей и отнимать у них имущество? Это на твоей ответственности, и я узнаю о вещах моей жены только от тебя!"

И потом он спросил тех пятерых: "В чем ваше дело?" И они рассказали ему обо всем, что случилось, и эмир воскликнул: "Вы обижены!" И он обратился к вали и спросил его: "За что ты их держишь в заключении?" И вали ответил: "Никто не показал старухе дороги к моему дому, кроме этих пяти, и она взяла мои деньги, тысячу динаров, и продала их в гарем".

И те пятеро сказали: "О эмир Хасан, ты наш поверенный в этом деле!" А потом вали сказал эмиру Хасану: "Вещи твоей жены за мной, и я отвечаю за старуху, но кто из вас ее узнает?" И все сказали: "Мы ее узнаем! Пошли с нами десять начальников, и мы схватим ее!" И вали дал им десять начальников, и ослятник сказал им: "Следуйте за мной, я узнаю ее по голубым глазам!"

И вдруг старуха Далила вышла из переулка, и ее схватили и пошли с ней к дому вали; и когда вали ее увидел, он спросил ее: "Где вещи людей?" "Я их не брала и не видала", – ответила старуха. И вали сказал тюремщику: "Запри ее у себя до завтра". Но тюремщик воскликнул: "Я не возьму ее и не запру, так как боюсь, что она устроит плутню и мне придется отвечать".

И вали сел на коня и, взяв с собой старуху и всех тех людей, выехал с ними на берег Тигра и, призвав факелоносца, велел ему привязать старуху к кресту за волосы. И факелоносец подтянул старуху на блоке и поставил десять человек сторожить ее, а вали отправился домой; и наступил мрак, и сон одолел сторожей.

А случилось так, что один бедуин услышал, как кто-то говорил своему товарищу: "Слава Аллаху за благополучие! Куда это ты отлучался?" И тот ответил: "В Багдад, и я ел там на обед пирожки с медом". И бедуин воскликнул: "Непременно пойду в Багдад и поем пирожков с медом" (а он в жизни их не видал и не входил в Багдад). И он сел на коня и поехал, говоря про себя: "Пирожков поесть прекрасно! Клянусь честью арабов, я буду есть только пирожки с медом..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестая ночь

Когда же настала семьсот шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин сел на коня и захотел поехать в Багдад и отправился, говоря в душе: "Поесть пирожков прекрасно! Клянусь честью арабов, я буду есть только пирожки с медом".

И он приблизился к кресту Далилы, и та услышала, как он говорит себе эти слова, а бедуин обратился к Далиле и спросил ее: "Что такое?" И Далила воскликнула: "Я под твоей защитой, о шейх арабов!" – "Аллах уже защитил тебя, – ответил бедуин. – По какой причине тебя распяли?" – "У меня есть враг – масленник, который жарит пирожки, – отвечала Далила. – Я остановилась, чтобы что-то купить у него, и плюнула, и плевков попал на пирожки, и масленник пожаловался на меня судье, и судья велел меня распять и сказал: "Я постановлю, чтобы вы взяли десять ритлей пирожков с медом и заставили ее съесть их на кресте. Если она их съест, развяжите ее, а если нет, оставьте ее распятой". А душа моя не принимает сладкого". – "Клянусь честью арабов, – воскликнул бедуин, – я приехал с кочевья только для того, чтобы поесть пирожков с медом, и я съем их вместо тебя!" – "Эти пирожки съест только тот, кто подвесится на мое место!" сказала Далила.

И хитрость над бедуином удалась, и он отвязал Далилу, и та привязала его на свое место, после того как сняла с него бывшую на нем одежду, а потом она надела его одежду на себя, повязалась его тюрбаном, села на его коня и поехала к своей дочери. "Что это за наряд?" – спросила Зейнаб. И Далила ответила: "Меня распяли". И она рассказала ей, что случилось у нее с бедуином.

Вот что было с нею. Что же касается сторожей, то когда один из них очнулся, он разбудил своих людей, и они увидели, что день уже взошел. И один из них поднял глаза и сказал: "Эй, Далила!" И бедуин ответил: "Клянусь Аллахом, мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожки с медом?" "Это человек из бедуинов", – сказали другие сторожа. И первый спросил: "О бедуин, где Далила и кто ее отвязал?" – "Я отвязал ее, – ответил бедуин. – Она не будет есть пирожков насильно, потому что ее душа их не принимает".

И сторожа поняли, что бедуин не знает об ее обстоятельствах и что она сыграла с ним штуку, и стали спрашивать друг друга: "Убежим мы или останемся, чтобы получить сполна то, что назначил для нас Аллах?"

И вдруг пришел вали с толпой тех, кого Далила обманула, и вали сказал начальникам: "Поднимайтесь, отвязывайте Далилу!" И бедуин воскликнул: "Мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожков с медом?" И вали поднял глаза к крестовине и увидал на ней бедуина вместо старухи и спросил начальников: "Что это такое?" – "Пощады, о господин!" – вскричали они. И вали воскликнул: "Расскажите мне, что случилось!" И начальники сказали: "Мы не спали с тобой, когда были на страже, и мы сказали себе: "Далила на кресте!" – и задремали, а когда очнулись, то увидели этого бедуина распятым. И вот мы перед тобой".

"О люди, это обманщица, и пощада Аллаха вам дана!" – сказал вали. И бедуина развязали, а он уцепился за вали и сказал: "Аллах да поможет против тебя халифу! Я узнаю о моем коне и моей одежде только от тебя!"

И вали расспросил его и бедуин рассказал ему свою историю, и вали удивился и спросил: "Почему ты ее отвязал?" – "Я не знал, что она обманщица", – отвечал бедуин. И собравшиеся сказали: "Мы узнаем о наших пещах только от тебя, о вали! Мы передали ее тебе, и ты стал за нее ответственным, и мы пойдем с тобой в диван халифа".

А Хасан Шарр–ат–Тарик пришел в диван и вдруг видит: идут вали, бедуин и те пятеро, и они говорят: "Мы обижены!" – "Кто вас обидел?" – спросил халиф. И каждый из пришедших выступил вперед и рассказал, что с ним случилось, вплоть до вали, который сказал: "О повелитель правоверных, она меня обманула и продала мне этих пятерых за тысячу динаров, хотя они свободные". – "Все, что у вас пропало, – за мной, – молвил халиф, и приказал вали: – Я обязываю тебя поймать старуху!"

И вали потряс воротником [592] и воскликнул: "Я не возьму на себя этой обязанности, после того как я повесил ее на кресте и она сыграла штуку с этим бедуином, так что он ее освободил и она повесила его на свое место и взяла его коня и одежду". – "Что же, мне обязать кого-нибудь, кроме тебя?" – спросил халиф. И вали сказал: "Обяжи Ахмеда–ад–Данафа: ему идет каждый месяц тысяча динаров, и у Ахмеда–ад–Данафа приближенных сорок один человек, и каждый из них имеет в месяц сто динаров". – "О начальник Ахмед!" – сказал халиф). И Ахмед отвечал: "Я перед тобою, о повелитель правоверных!" И тогда халиф молвил: "Я обязываю тебя привести старуху". И Ахмед ответил: "Я ручаюсь, что приведу ее!" И затем халиф задержал тех пятерых и бедуина у себя..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот седьмая ночь

Когда же настала семьсот седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда халиф обязал Ахмеда–адДанафа привести старуху, тот воскликнул: "Я отвечаю за нее, о повелитель правоверных!"

И затем он пришел со своими приближенными в казарму, и они стали говорить друг другу: "Как же мы ее схватим и сколько в городе старух?"

И один из них, по имени Али–Катф–аль–Джамаль, сказал Ахмеду–ад–Данафу: "О чем это вы советуетесь с Хасаном–Шуманом? Разве Хасан–Шуман – великое дело?" И Хасан воскликнул: "О Али, как это ты унижаешь меня! Клянусь величайшим именем Аллаха, я не буду на этот раз вам товарищем!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И он вышел сердитый, а Ахмед–ад–Данаф сказал: "О молодцы, каждый начальник пусть возьмет десять человек и пойдет в какой–нибудь квартал искать Далилу".

И Али–Катф–аль–Джамаль пошел с десятью человеками, и всякий начальник сделал то же, и каждый отряд пошел в какой–нибудь квартал; а прежде чем отправиться и разойтись, они сказали: "Наша встреча будет на такойто улице, в таком–то переулке".

И в городе разнеслась весть, что Ахмед–ад–Данаф обязался схватить Далилу–Хитрицу, и Зейнаб сказала: "О матушка, если ты ловкая, сыграй штуку с Ахмедом–адДанафом и его людьми". – "О дочка, я не боюсь никого, кроме Хасана–Шумана", – сказала Далила. И ее дочь воскликнула: "Клянусь жизнью моих кудрей, я заберу для тебя одежду этих сорока и одного!"

И она поднялась и, надев одежду и покрывало, пришла к одному москательщику, у которого была комната г двумя дверями, поздоровалась с ним, дала ему динар и сказала: "Возьми этот динар в подарок за твою комнату и отдай мне ее до конца дня". И москательщик дал ей ключи, и Зейнаб пошла и привезла ковры на осле ослятника, и устлала комнату, и положила под каждым портиком скатерть с кушаньем и, вином, и потом стала у двери с открытым лицом.

И вдруг подошел Али–Катф–аль–Джамаль со своими людьми, и Зейнаб поцеловала ему руку, и Али увидел, что это красивая женщина, и полюбил ее и спросил: "Чего ты хочешь?" – "Ты начальник Ахмед–ад–Данаф?" – спросила его Зейнаб. И Али сказал: "Нет, я один из его людей, и меня зовут Али–Катф–аль–Джамаль". – "Куда вы идете?" – спросила Зейнаб. И Али ответил: "Мы ходим и ищем одну старуху обманщицу, которая взяла чужие вещи, и мы желаем ее схватить. А ты кто такая и каково твое дело?" – "Мой отец был виноторговцем в Мосуле, – ответила Зейнаб. – Он умер и оставил мне большие деньги, и я приехала в этот город, боясь судей. И я спросила людей, кто меня защитит, и мне сказали: "Не защитит тебя никто, кроме Ахмеда–адДанафа". – "Сегодня ты вступишь под его защиту", – сказали ей люди Али–Катф–аль–Джамалю. И Зейнаб сказала им: "Пожелайте залечить мое сердце, съев кусочек и выпив глоток воды".

И когда они согласились, Зейнаб ввела их в дом, и они поели и напились, и она подложила им в пищу банджа и одурманила их и сняла с них их вещи; и то же, что она сделала с ними, она сделала и с остальными.

А Ахмед–ад–Данаф ходил и искал Далилу, но не нашел ее и не увидел ни одного из своих приближенных. И он подошел к той женщине, и Зейнаб поцеловала ему руку, и он увидел ее и полюбил, и она спросила его: "Ты начальник Ахмед–ад–Данаф?" – "Да, а ты кто?" – спросил он. И Зейнаб ответила: "Я чужеземка из Мосула, и мой отец был виноторговцем, и умер, и оставил мне много денег, и я приехала с ними сюда, боясь судей. И я открыла эту винную лавку, и вали обложил меня налогом, и я хочу быть у тебя под защитой. А то, что берет вали, достойнее получать тебе". – "Не давай ему ничего, и добро тебе пожаловать!" – воскликнул Ахмед–ад–Данаф. И Зейнаб сказала ему: "Пожелай залечить мое сердце и поешь моего кушанья". И Ахмед–ад–Данаф вошел и поел и выпил вина и упал навзничь от опьянения, и Зейнаб одурманила его банджем и забрала его одежду; и она нагрузила это все на коня бедуина

и
на
осла
ослятника,
и
разбудила Али–Катф–аль–Джамалю, и ушла.

И когда Али очнулся, он увидел себя голым и увидал, что Ахмед–ад–Данаф и его люди одурманены. И тогда он разбудил их средством против банджа, и, очнувшись, они увидели себя голыми, и Ахмед–ад–Данаф сказал: "Что это за дело, о молодцы? Мы ходим и ищем старуху, чтобы изловить ее, а эта распутница изловила нас. Вот будет радость из–за нас Хасану–Шуману! Но подождем, пока наступит темнота, и пойдем".

А Хасан–Шуман спросил зрителя казармы: "Где люди?" И когда он его расспрашивал, они вдруг подошли, голые, – и тогда Хасан–Шуман произнес такие два стиха:

"Меж собою люди похожи все при уходе их,

Различье в том, каков приход бывает.

Средь мужей найдешь ты и знающих и незнающих,

Как средь звезд найдешь много тусклых ты и ярких".

И, увидев подошедших, он спросил их: "Кто сыграл с вами штуку и оголил вас?" И они ответили: "Мы взялись поймать одну старуху и искали ее, а оголил нас но кто иной, как красивая женщина". – "Прекрасно она с вами сделала!" – сказал Хасан. И его спросили: "А разве ты ее знаешь, о Хасан?" – "Я знаю ее и знаю старуху", – ответил Хасан. И его спросили: "Что ты скажешь у халифа?" – "О Данаф, – сказал ему Шуман, – отряхни перед халифом твой воротник, и тогда халиф спросит: "Кто возьмется ее поймать?" И если он спросит тебя: "Почему ты ее не схватил?" – скажи ему: "Я ее не знаю, но обяжи Хасана–Шумана поймать ее". И если он обяжет меня, я ее поймаю".

И они проспали ночь, а утром пришли в диван халифа и поцеловали землю, и халиф спросил: "Где старуха, о начальник Ахмед?" И Ахмед–ад–Данаф потряс воротником. "Почему?" – спросил халиф. И Ахмед ответил: "Я ее не знаю, но обяжи Шумана ее поймать, – он знает и ее и ее дочь и говорит, что она устроила эти штуки не из жадности до чужих вещей, но чтобы стала видна ее ловкость и ловкость ее дочери и чтобы ты назначил ей жалованье ее мужа, а ее дочери – такое жалованье, какое было у ее отца".

И Шуман попросил, чтобы Далилу не убивали, когда он ее приведет. И халиф воскликнул: "Клянусь жизнью моих дедов, если она возвратит людям их вещи, ей будет пощада, и она под заступничеством Шумана!" – "Дай мне для нее платок пощады, о повелитель правоверных", – сказал Шуман. И халиф молвил: "Она под твоим заступничеством", – и дал ему платок пощады.

И Шуман вышел и пошел к дому Далилы и кликнул ее; и ему ответила ее дочь Зейнаб, и тогда он спросил: "Где твоя мать?" – "Наверху", – ответила Зейнаб. И Шуман сказал: "Скажи ей, чтобы она принесла вещи людей и пошла со мной к халифу. Я принес ей платок пощады, и если она не пойдет добром, пусть упрекает сама себя".

И Далила спустилась и повесила платок себе на шею и отдала Шуману чужие вещи, погрузив их на осла ослятника и на коня бедуина. И Шуман сказал ей: "Остается одежда моего старшего и одежда его людей". – "Клянусь величайшим именем, я их не раздевала!" – ответила Далила. И Шуман сказал: "Твоя правда, но это штука твоей дочери Зейнаб, и это услуга, которую она тебе оказала".

И он пошел, а старуха с ним, в диван халифа, и Хасан выступил вперед и показал халифу вещи и подвел к нему Далилу; и когда халиф увидел ее, он приказал ее кинуть на коврик крови. "Я под твоей защитой, о Шуман!" крикнула Далила. И Шуман поднялся и поцеловал халифу руку и сказал: "Прощение, ты дал ей пощаду!" – "Она под защитой твоего великодушия, сказал халиф. – Подойди сюда, старуха, как твое имя?" – "Мое имя Далила", – отвечала она. И халиф сказал: "Поистине, ты хитрюга и хитрица!" И ее прозвали Далила–Хитрица. "Зачем ты устроила эти плутни и утомила наши сердца?" – спросил потом халиф. И она ответила: "Я сделала эти плутни не от жадности до чужих

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

вещей, но я услышала о плутнях Ахмеда–ад–Данафа, которые он устроил в Багдаде, и о плутнях Хасана–Шумана и сказала себе: "Я тоже сделаю так, как они!" И я уже возвратила людям их вещи".

И тут поднялся ослятник и сказал: "Закон Аллаха между мною и ею! Ей недостаточно было взять моего осла, и она напустила на меня цирюльника–магрибинца, который вырвал мне зубы и прижег мне виски два раза..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восьмая ночь

Когда же настала семьсот восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ослятник поднялся и сказал: "Закон Аллаха между мною и ею! Ей недостаточно было взять моего осла, и она напустила на меня цирюльника–магрибинца, который вырвал мне зубы и прижег виски два раза".

И халиф приказал дать ослятнику сто динаров и красильщику сто динаров и сказал: "Иди открой свою красильню!" И они пожелали халифу блага и ушли, а бедуин взял свои вещи и своего коня и сказал: "Запретно мне входить в Багдад и есть пирожки с медом!"

И всякий, кому что–либо принадлежало, получил свое, и все разошлись, и тогда халиф молвил: "Пожелай от меня чего–нибудь, о Далила!" И Далила сказала: "Мой отец заведовал у тебя письмами, я воспитывала почтовых голубей, а мой муж был начальником в Багдаде, и я хочу получать жалованье моего мужа, а моя дочь хочет иметь жалованье своего отца". И халиф назначил им то, что они пожелали; а потом Далила сказала: "Я хочу от тебя, чтобы я была привратницей хана".

А халиф устроил хан с тремя домами, чтобы там жили купцы, и к хану было приставлено сорок рабов и горок собак, – халиф привез их от правителя Сулеймании, когда он отставил его, и сделал для собак ошейники. А в хане был раб–повар, который стряпал еду для рабов и кормил собак мясом. "О Далила, – сказал халиф, – я запишу тебя надсмотрщицей хана, и если оттуда что–нибудь пропадет, с тебя будут взыскивать". – "Хорошо, – сказала Далила, – но только посели мою дочь в помещении, которое над воротами хана. В этом помещении есть площадка, а голубей хорошо воспитывать только на просторе".

И халиф приказал так сделать, и дочь ее перенесла все свои вещи в помещение над воротами хана, а Далила приняла сорок птиц, которые носили письма; что же касается Зейнаб, то она повесила у себя в помещении те сорок одежд и одежду Ахмеда–ад–Данафа.

А Далилу халиф сделал начальницей над сорока рабами и наказал им ее слушаться. И она устроила себе место, чтобы жить за воротами хана, и стала каждый день ходить в диван – может быть, халифу понадобится послать письмо в какую–нибудь страну, – и не уходила из дивана до конца дня; и те сорок рабов стояли и охраняли хан, а когда наступала ночь, Далила спускала собак, чтобы они сторожили хан ночью.

Вот что случилось с Далилой–Хптрицей в Багдаде.

Что же касается до Али–аз–Зейбака каирского, то это был ловкач, который жил в Каире в то время, когда начальник дивана был человек по имени Садах египетский, у которого было сорок приближенных. И приближенные Салаха египетского устраивали ловушки ловкачу Али и думали, что он попадется, и они искали его, и оказывалось, что он убегал, как убегает ртуть, и поэтому его прозвали "Каирская ртуть".

И вот однажды, в один из дней, ловкач Али сидел в казарме среди своих приближенных, и сердце его сжималось, и стеснялась у него грудь. И начальник казармы увидел, что он сидит с нахмуренным лицом, и сказал: "Что с тобой, о старший? Если у тебя стеснилась грудь, пройдишь разок по Каиру: твоя работа рассеется, когда ты пройдешься по его рынкам". И Али поднялся и вышел пройтись по Каиру, но его грусть и забота еще увеличились.

И он проходил мимо винной лавки и сказал себе: "Войду и напьюсь!" И он вошел и увидел семь рядов людей. "О виноторговец, – сказал он, – я буду сидеть только один". И виноторговец посадил его в комнате одного и принес ему вино, и Али пил, пока не исчез из мира.

А потом он вышел из винной лавки и пошел по Каиру, и до тех пор ходил по его площадям, пока не дошел до Красной улицы, и дорога перед ним становилась свободной от людей, так как его боялись. И Али обернулся и увидел водоноса, который поил людей из кувшина и кричал на дороге: "О Аллах–заменяющий! Нет напитка, кроме как из изюма, нет сближения, кроме как с любимым, и не сидит на почетном месте никто, кроме разумного!" "Подойди напои меня!" – сказал Али. И водонос посмотрел на него и подал ему кувшин; и Али взглянул в кувшин и встряхнул его и вылил на землю. "Ты не будешь пить?" – спросил его водопое. И Али ответил: "Напои меня!" И водонос снова наполнил кувшин, и Али взял его и встряхнул и вылил па землю, и в третий раз сделал то же самое. И водонос сказал: "Если ты не будешь пить, я пойду". – "Напои меня!" – сказал Али. И водонос наполнил кувшин и подал его Али, и тот взял его и выпил. И потом он дал водоносу динар, и вдруг водонос посмотрел на него и счел его ничтожным и сказал: "Награди тебя Аллах, награди тебя Аллах, о юноша! Маленькие люди для иных – большие люди..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девятая ночь

Когда же настала семьсот девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда ловкач Али дал водоносу динар, водонос посмотрел на него и счел его ничтожным и сказал: "Награди тебя Аллах, награди тебя Аллах! Маленькие люди у иных – большие люди!"

И ловкач Али подошел к водоносу и схватил его за платье и вытащил драгоценный кинжал, как тот, о котором были сказаны такие два стиха:

Ударь же твердым кинжалом ты, не бойся же

Никого ты в мире, – лишь гнев творца нам страшен.

В стороне держись от позорных качеств и век не будь

Ты без качеств тех, что присущи благородным.

"О старец, – сказал Али, – поговори со мной разумно! Цена за твой бурдюк, если он и дорог, дойдет всего до двух дирхемов, а в три кувшина, которые я вылил на землю, войдет с ритль воды". – "Да", – ответил водонос. И Али сказал: "А я дал тебе золотой динар, почему же ты меня унижаешь? Разве ты видел кого–нибудь доблестнее и благороднее меня?" – "Я видел человека доблестнее и благороднее тебя; пока женщины будут рожать, не найдется на свете другого, столь доблестного и благородного", – ответил водонос. "Кого ты видел доблестнее и благороднее меня?" – спросил Али. И водонос сказал: "Знай, что со мной был удивительный случай. Мой отец был старостой продавцов воды глотками в Каире, и он умер и оставил мне пять верблюдов и мула, и лавку, и дом; но бедному ведь никогда не довольно, а когда ему довольно – он умирает. И я сказал себе: "Поеду в Хиджаз!" – и набрал караван верблюдов; и я до тех пор занимал деньги, пока не оказалось за мной пятьсот динаров. И все это пропало у меня во время хаджжа. И я сказал себе: "Если я вернусь в Каир, люди посадят меня в тюрьму из–за моих денег". И я отправился с сирийским караваном и доехал до Халеба, а из Халеба я отправился в Багдад. И я спросил, где староста багдадских водоносов, и мне указали его; и я вошел к нему и прочитал ему "Фатиху", и он спросил меня о моем положении, и я рассказал ему обо всем, что со мной случилось.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И он отвел мне лавку и дал бурдюк и принадлежности, и я пошел через ворота Аллаха и стал ходить по городу. И я дал одному человеку кувшин, чтобы напиться, и он сказал мне: "Я ничего не ел, и мне нечего запивать; меня сегодня пригласил скупой и принес и поставил передо мной два кувшина, и я сказал ему: "О сын гнусного, разве ты меня чем-нибудь накормил, что даешь мне запивать?" Уходи же, водонос, и подожди, пока я чего-нибудь не поем, и потом напои меня".

И я подошел к другому, и он сказал мне: "Аллах тебя наделит!" И я был в таком положении до времени полудня, и никто ничего мне не дал.

И я сказал про себя: "О, если бы я не приходил в Багдад!" И вдруг я увидел людей, которые быстро бежали, и последовал за ними и увидел великолепное шествие, где люди тянулись по двое, и все они были в ермолках и чалмах, в бурнусах и войлочных куртках и были закованы в сталь.

И я спросил кого-то: "Чья это свита?" И спрошенный сказал мне: "Свита начальника Ахмеда-ад-Данафа". – "Какая у него должность?" – спросил я. И мне сказали: "Он начальник дивана и начальник в Багдаде и надзирает за сушей. Ему полагается с халифа каждый месяц тысяча динаров, и каждому из его приближенных – сто динаров. А Хасану-Шуману тоже полагается тысяча динаров, и сейчас они отправляются из дивана в свою казарму". И вдруг Ахмед-ад-Данаф увидел меня и сказал: "Подойди напои меня!" И я наполнил кувшин и дал ему, и он встряхнул его и вылил, и второй, и третий раз тоже, и на четвертый он отхлебнул глоток, как ты, и спросил: "О водонос, откуда ты?" И я ответил: "Из Каира". – "Да приветствует Аллах Каир и его жителей! – сказал Ахмедад-Данаф. – А по какой причине ты пришел в этот город?" И я рассказал ему свою историю и дал ему понять, что я задолжал и бегу от долгов и нужды; и Ахмед-адДанаф воскликнул: "Добро тебе пожаловать!" И потом он дал мне пять динаров и сказал своим приближенным: "Стремитесь к лику Аллаха и окажите ему милость!" И каждый из них дал мне динар, и Ахмед-ад-Данаф сказал мне: "О старец, пока ты останешься в Багдаде, тебе будет с нас столько же, всякий раз как ты дашь нам напиться".

И я начал ходить к ним, и стало добро притекать ко мне от людей, и через несколько дней я подсчитал то, что я от них нажил, и денег оказалось тысяча динаров. И я сказал себе: "Теперь для тебя правильнее уйти в родную страну". И я пошел в казарму и поцеловал Ахмеду руки, и он спросил: "Что ты хочешь?" – "Я намерен уехать, – сказал я и произнес такие два стиха:

В чужой земле пришельца пребывание

Сравню с постройкой я дворцов из ветра.

Разносит ветер то, что он построил,

И вот уходить решился пришелец обратно.

Караван отправляется в Каир, и я хочу пойти к моей семье", – сказал я ему. И он дал мне мула и сто динаров и сказал: "Мы хотим послать с тобой поручение, о шейх. Знаешь ли ты жителей Каира?" – "Да", – сказал я ему..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот десятая ночь

Когда же настала семьсот десятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что водонос говорил: "И Ахмед-ад-Данаф дал мне мула и сто динаров и сказал: "Мы желаем послать с тобой поручение. Знаешь ли ты жителей Каира?" – "Да", – сказал я ему. И он сказал: "Возьми это письмо и доставь его Али-Зейбаку каирскому и скажи ему: "Твой старший желает тебе мира, и он теперь у халифа". И я взял у него письмо и ехал, пока не прибыл в Каир; и меня увидели заимодавцы, и я им отдал то, что было за мной, а потом я сделался водоносом, и я не доставил письмо, так как я не знаю казармы Али-Зейбака каирского".

И тогда Али сказал водоносу: "О старец, успокой свою душу и прохлади глаза! Я и есть Али-Зейбак каирский, первый из молодцов начальника Ахмеда-ад-Данафа. Давай письмо!"

И водопое подал ему письмо; и когда Али развернул его и прочитал, он увидел там такие два стиха: "К тебе пишу я, о краса красавцев,

На том листке, что полетит по ветру.

Умей летать я, я б взлетел от страсти,

Но как лететь, подрезаны коль крылья?

А после того: – Привет от начальника Ахмеда-ад-Данафа старшему из его детей – Али-Зейбаку каирскому. Мы осведомляем тебя о том, что я донимал Салаха-ад-дина египетского и играл с ним шутики, пока не похоронил его заживо, и повинуются мне его молодцы,

среди

которых

находится Али-Катф-аль-Джамаль. Я сделался начальником Багдада в диване халифа, и мне предписано смотреть за сушей; и если ты блюдешь договор, который заключен между нами, приходи ко мне. Может быть, ты сыграешь в Багдаде штуку, которая приблизит тебя к службе халифу, и он назначит тебе жалованье и оклад и выстроит тебе казарму. Вот в чем моя цель. И мир с тобой!"

И когда Али прочитал письмо, он поцеловал его и положил себе на голову и дал водоносу десять динаров в подарок за благую весть, а затем он отправился в казарму и вошел к своим молодцам и осведомил их, в чем дело, и сказал: "Поручаю вас друг другу!" И потом он снял то, что на нем было, и надел плащ и тарбуш и взял футляр, в котором был дротик из дерева для копий длиной в двадцать четыре локтя, части которого вдвигались друг в друга. И начальник сказал ему: "Как же ты уезжаешь, когда казна пуста?" – "Когда я приеду в Сирию, я пришлю вам столько, что вам хватит", – сказал Али и ушел своей дорогой.

И он нагнал отъезжавший караван и увидел там начальника купцов и с ним сорок купцов, и купцы погрузили свои тюки, а тюки начальника купцов лежали на земле. И Али увидел, что предводитель каравана – человек из Сирии, и он говорил погонщикам мулов: "Пусть кто-нибудь из вас мне поможет"; но они только бранили его и ругали.

И Али сказал про себя: "Мне будет хорошо путешествовать только с этим предводителем!"

А Али был безбородый, красивый, и он подошел к предводителю и поздоровался с ним, и предводитель приветствовал его и спросил: "Что ты хочешь?" И Али ответил: "О дядюшка, я увидел, что ты один, а груза у тебя на сорок мулов. Почему же ты не привел людей, чтобы помочь тебе?" – "О дитя, – отвечал предводитель, – я нанял двух молодцов и одел их и положил каждому за пазуху по двести динаров, и они помогали мне до монастыря, а потом они убежали". – "А куда вы идете?" – спросил Али. И предводитель ответил: "В Халеб". И тогда Али сказал: "Я тебе помогу".

И они погрузили тюки, и поехали, и начальник купцов сел на мула и тоже поехал, и сирийский предводитель каравана обрадовался приходу Али и полюбил его.

И подошла ночь, и люди сделали привал, поели и попили, а когда настало время сна, Али лег на землю и представился спящим. И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

предводитель лег близко от него, и тогда Али встал со своего места и сел у входа в шатер купца; и предводитель повернулся и хотел взять Али в объятия, но не нашел его, и тогда он сказал про себя: "Может быть, он кому-нибудь обещал, и тот взял его; но я – достойнее, и в другую ночь я его запру".

Что же касается Али, то он просидел у входа в шатер купца, пока не приблизилась заря, и тогда он пришел и лег подле предводителя; а когда тот проснулся, он увидел Али и сказал про себя: "Если я его спрошу: "Где ты был?" – он оставит меня и уйдет".

И Али до тех пор обманывал его, пока они не приблизились к одной пещере; а в этой пещере была берлога, где жил сокрушающий лев; и каждый раз, как там проходил караван, путники кидали между собой жребий, и всякого, кому он выпадал, бросали льву.

И кинули жребий, и он пал не на кого иного, как на начальника купцов; и вдруг лев преградил им дорогу, высматривая того, кого он возьмет из каравана.

И начальник купцов впал в великую скорбь и сказал предводителю каравана: "Аллах да обманет твое счастье и твое путешествие! Но я завещаю тебе после моей смерти отдать тюки моим детям". – "Какова причина этой истории?" – спросил ловкач Али. И ему рассказали, в чем дело, и он воскликнул: "И чего вы бежите от степной кошки? Я обязуюсь перед вами убить ее".

И предводитель пошел к купцу и рассказал ему об этом, и купец сказал: "Если он его убьет, я дам ему тысячу динаров". И остальные купцы сказали: "Мы тоже дадим ему денег".

И тогда Али снял плащ, под ним оказались стальные доспехи, и он вынул стальной меч, и вышел ко льву один, и закричал на него.

И лев бросился на Али, и Али каирский ударил льва мечом между глаз и разрубил его пополам, а предводитель и купцы смотрели на него. И Али сказал предводителю: "Не бойся, о дядюшка!" И предводитель воскликнул: "О дитя мое, я стал твоим слугой!" А купец поднялся и обнял Али и поцеловал его меж глаз и дал ему тысячу динаров, и каждый из купцов дал ему двадцать динаров, и Али сложил все деньги у купца.

И они проспали ночь, а утром уже направились к Багдаду, и достигли они Берлоги львов и Долины собак, и вдруг оказался в ней один бедуин, непокорный и преграждающий дорогу, с которым был отряд из его племени.

И он напал на путников, и люди разбежались перед ним, и купец воскликнул: "Пропали мои деньги!" И вдруг приблизился Али, одетый в шкуру, увешанный колокольчиками, и он вынул свой дротик и приладил его колена одно к другому, а потом он выкрал одного из коней бедуина и сел на него верхом и сказал бедуину: "Выходи против меня с копьем!" И он встряхнул колокольчиками, и конь бедуина шарахнулся от колокольчиков, а Али ударил по дротику бедуина и сломал его и, ударив бедуина по шее, скинул ему голову.

И люди бедуина увидели это и сгрудились против Али. И Али воскликнул: "Аллах велик!" И он напал на них и разбил их, и они обратились в бегство.

А потом Али поднял голову бедуина на копье, и купцы оказали ему милости, и они ехали, пока не достигли Багдада. И ловкач Али потребовал от купца свои деньги, и купец отдал их ему, и Али вручил их предводителю каравана и сказал ему: "Когда ты поедешь в Каир, спроси, где моя казарма, и отдай деньги начальнику казармы".

И Али проспал ночь, а утром вошел в город и прошел по нему, спрашивая, где казарма Ахмеда-ад-Данафа, по никто ее не показал.

И Али шел, пока не дошел до Площади Потрясения, и увидел играющих детей, среди которых был один мальчик по имени Ахмед-аль-Лакит, и сказал себе: "Не получить о них вестей иначе, как от их детей!"

И Али осмотрелся и увидел торговца сладостями и купил у него сладкого, а потом он кликнул детей; и вдруг Ахмед-аль-Лакит прогнал от него других детей, а сам подошел и спросил Али: "Чего ты хочешь?" И Али ответил: "У меня был ребенок, и он умер, и я увидел во оно, что он просит сладкого, и вот я купил сладкого и хочу дать каждому мальчику по куску". И он дал кусок Ахмеду-аль-Лакиту, и тот посмотрел на сладкое и увидел приставший к нему динар и сказал Али: "Уходи, нет во мне мерзости, спроси про меня людей". И Али сказал ему: "О дитя мое, только ловкач дает плату и только ловкач берет плату. Я кружил по городу и искал казарму Ахмеда-ад-Данафа, по никто мне ее не указал. Этот динар – тебе плата, если ты мне укажешь казарму Ахмеда-ад-Данафа". – "Я побегу впереди тебя, – сказал тогда Ахмед, – а ты побежишь сзади меня, и когда я подойду к казарме, я подцеплю ногой камешек и брошу его в ворота, и ты узнаешь их".

И мальчик побежал, и Али бежал за ним, пока он не взял ногой камень и не бросил им в ворота казармы, и тогда Али узнал их..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.